

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ США РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛЬЮ 1840-х гг.

Анна А. Арустамова

Пермский государственный университет, Россия

The article deals with the specificities of the USA's perception by Russian philosophers in the 1840th years of the XIX century. The author compares the views of N. Turgenev, A. Herzen, I. Kireevsky, K. Aksakov on the matter. There is shown, that the interest to history, culture and social structure of the USA is logically included in the context of the Russian philosophers' speculations on the Russian historical way – both the Westerners and the Slavophiles. The author reveals differences and resemblances in their ideas and opinions on the American model of social progress. Also special attention is focused on the peculiarities of the development of Russian philosophers' positions, concerning the "American theme". At the same time the author concentrates on the evolution of the N. Turgenev's, Herzen's views on America, paying attention to their philosophical and social positions on the whole.

Интерес к США в русской культуре был устойчив на протяжении всего XIX в. Поиск собственного исторического пути заставлял русскую общественно-философскую мысль обращаться к опыту не только европейскому, но и американскому. От десятилетия к десятилетию увеличивался поток информации о заокеанской республике, и в работах целого ряда писателей и мыслителей присутствие американского контекста оказывалось все более осязаемым.

«Американский путь» становится, в частности, и одним из пунктов полемики между славянофилами и западниками. Так, в 1840-е гг. в поисках решений социальных, политических, философских вопросов взгляды К. Аксакова, И. Киреевского, А. Герцена, Н. Тургенева и других авторов будут не раз обращаться к историческому и социальному опыту США. Их позиции объединяет в конечном итоге напряженность размышлений о судьбе России, ее настоящем и будущем.

В 1847 г. во Франции выходит книга русского политического эмигранта Николая Тургенева «Россия и русские». Америка занимает в его размышлениях немаловажное место. В дневниках молодого Н. Тургенева уже в 1810-е гг. сквозным является мотив негодования против рабства в обеих странах – России и США (Тургенев 1911; Тургенев 1913). Аналогия между Россией и Америкой в вопросе рабства была одной из наиболее часто встречающихся в русской культуре первой половины XIX в. Особое место Н. Тургенева в ряду русских прогрессивных мыслителей заключается в том, что он, принадлежа к числу тех русских, которые не имели возможности говорить и писать в России, перенес свою деятельность за границу. Оставаясь в Европе, он печатает несколько статей в американских журналах по вопросу освобождения чернокожих рабов. Русский мыслитель ведет оживленную переписку с американскими аболиционистами в 1850–1860-е гг. Среди адресатов Тургенева, например, М.У. Чепмен, с которой он обсуждает вопросы отмены рабства как в России, так и в США, а также известный аболиционист У.Л. Гаррисон (Тарасова 1966).

Как показала отечественный исследователь деятельности Н. Тургенева В.М. Тарасова, русский декабрист живо интересовался программой освобождения чернокожих невольников. В одном из писем М.У. Чепмен в 1861 г. он критиковал

«несправедливость, тягость выкупных платежей и противопоставлял правительственному проекту свой, который предусматривал небольшие наделы...», за которые освободившимся рабам не нужно было ничего платить (Тарасова 1966: 40). М.У. Чепмен передала через сенатора Самнера это письмо Линкольну, так что не исключено, что в деле освобождения рабов в США есть и реальный вклад нашего соотечественника Николая Тургенева.

И все же, активно участвуя в заокеанских событиях, всеми своими помыслами Н. Тургенев устремлен к России. Именно это и явилось главной причиной столь пристального внимания к Америке. Страстно стремясь быть полезным России и служить делу ее просвещения, борьбы с крепостным правом, Н. Тургенев пристально следит за событиями за океаном, признавая эффективность социально-политической модели США.

Размышляя о том, в каком направлении следует двигаться России, автор, не колеблясь, утверждает: «...к европейской цивилизации» (Тургенев 2001: 350). Единственный путь России, по Тургеневу, – примкнуть к сообществу цивилизованных народов путем развития системы управления, просвещения, реформирования судебного производства, отмены крепостного права, реформирования армии, улучшения финансового положения страны, быть открытой для европейского просвещения и для контактов с Европой.

К образцовым же представителям цивилизованных народов Тургенев относит Англию и ее «детище» – США, перед которыми автор не скрывает своего восхищения, «в общественном строе которых осуществилось все то, о чем так смело мечтали мыслители всех времен» (Тургенев 2001: 371). В этот период Тургенев воспринимает Америку как реализовавшуюся утопию.

Не случайно в Предисловии к книге, являющемся программным, автор приводит обширную цитату из речи Чаннинга, произнесенной в Филадельфии в 1841 г. «перед обществом негониантов» (Тургенев 2001: 179). В Предисловии звучит вдохновенная надежда о расширении и последующем стирании границ между народами. Уже здесь задается, а затем становится одной из важнейших оппозиция «патриотизм» (по мнению автора, слишком узко понимаемый в современную ему эпоху) – «универсализм», т.е. уничтожение границ как цель, к которой должно стремиться. Для Тургенева очевидной становится необходимость действовать в интересах в первую очередь всего человечества, не замыкаясь в национальных границах.

В речи американца автор усматривает практические способы достижения искомой гармонии. Русскому мыслителю также близка идея соблюдения прав человека, развития у личности чувства собственного достоинства, что принесет ей истинную свободу. Очевидно, что Тургенев приветствует прогресс и развитие просвещения как своего рода культуртрегерство. В связи с этим он приводит соответствующий пассаж из речи американского негонианта: «Сегодня для благотворительности нет границ ни на суше, ни на море; она несет наши благословения во все концы вселенной, *делает дикие племена, населяющие пустыню, процветающими народами* (курсив мой. – А.А.), и объединяет всех людей священными узами единой и всеобщей религии любви» (Тургенев 2001: 179-180). Тургеневу оказывается отчасти близок американский взгляд на мир. Для русского автора несомненную ценность имеет и такой способ ускорения прогресса, как свобода торговли, поскольку, как следует из речи Чаннинга, именно она способствует налаживанию контактов между людьми в разных концах света.

В 1840-е гг. Тургеневу явно свойствен оптимистический взгляд на США и их роль в мировом процессе. Следует заметить, однако, что позже, в 1850–1860-е гг., ознакомившись с материалами, касающимися реального положения чернокожего населения США, которые присылали ему американские прогрессивные общественные

деятели, русский мыслитель несколько изменил свой взгляд на заатлантическую республику и стал сожалеть, что в 1840-е, и в частности в книге «Россия и русские», идеализировал Америку (Тарасова 1966: 40). Как показала исследователь жизни и творчества Тургенева В.М. Тарасова, если в 1840-е гг. Тургенев ставил в пример России цивилизацию образцовых народов, к коим причислял и США, то в работах 1860-х гг. он показал недостатки американской демократии, в частности, ее лицемерие, проявляющееся в расовой дискриминации. Теперь американская модель уже не является образцовой для русского общественного деятеля, абсолютными ценностями для которого были просвещение и свобода.

В русской философской мысли 1840-х гг. позицию Николая Тургенева характеризует наибольшая степень приятия американской модели общественного развития. В трудах же других мыслителей американский путь исторического развития, социально-политическое устройство США воспринимаются достаточно критически.

Так, тема Америки пунктирно появляется в одной из самых драматических книг Герцена, написанных в этот период, – «С того берега». Как подчеркнул В.А. Туниманов, в этом произведении личная трагедия сопрягается с трагедией поколения и всего мира (Туниманов 1994: 12). Обостряет характер напряженнейших духовных исканий Герцена форма диалога, избранная автором для столкновения полярных точек зрения. Исследователь творчества Герцена подчеркивает и еще одну особенность структуры книги «С того берега»: «Произведение построено на диссонансах и антитезах. Они дают анализ состояния мира, который разлагается, как гнилая рыба, и одновременно способствуют выработке позиции, единственно возможной для мыслящего человека» (Туниманов 1994: 15).

Если в пьесе «Вильям Пен» А. Герцена, относящейся к 1830-м гг., еще было возможно появление утопического начала, связанного с построением нового мира за океаном, то к концу 1840-х гг., после трагических европейских событий 1848 г., Герцену стала слишком очевидна невозможность реализации каких-либо утопий. Образ Америки появляется уже в первой главе «Перед грозой», представляющей диалог молодого человека и «человека средних лет» (Туниманов 1994: 14). Молодой герой, разочаровавшись в перспективах европейской цивилизации, высказывает эскапистские настроения. «?…Куда бежать? в поисках гармонии?» – спрашивает он своего собеседника. В сознании оппонента авторского героя присутствует характерная для первой половины XIX в. утопическая схема, согласно которой совершенный мир находится за океаном. «Где эта новая Пенсильвания, готовая?..» – вопрошает он (Герцен 1955: 256). Однако ответ, данный человеком средних лет, показывает динамику воззрений Герцена на общественно-политическое устройство США: «…для старых построек из нового кирпича. Вильям Пенн вез с собою старый мир на новую почву; Северная Америка – исправленное издание прежнего текста, не более» (там же).

В конце 1840-х годов, когда существенно увеличивается масштаб видения и осмысления Герценом европейских событий, русскому философу очевидно, что пространственная оппозиция США – Европа как противопоставление справедливой социальной модели нового мира – гибнущей Европе оказывается несостоятельной. Герцен настойчиво, мучительно ищет новых путей, резко критикуя западный социальный строй.

Столкновение двух стратегий поведения в эпоху кризиса и реакции – эскапистской «идеалиста», молодого человека и мужественной, зрелой, его оппонента – является сквозным в книге. Мотив бегства из обветшалой Европы – ключевой в сюжетной линии молодого героя (подчеркнем, что мы имеем в виду специфический характер сюжета произведения, так называемый «сюжет мысли»). Бегство же в Америку в последующих главах становится метафорой бегства от действительности, на край

света.

С точки зрения Герцена 1840-х гг. отъезд в США – только пространственное перемещение, качественно не изменяющее жизнь. Не случайно в тексте создается образ-метафора текста. Американская цивилизация – тиражирование европейской, только на другом конце света. «Я согласен, что пора выходить из нашей искусственной, условной жизни, но не бегством в Америку. Что вы там найдете? Северные Штаты – последнее, опрятное издание того же феодально-крепостного текста (курсив мой. – А.А.) да еще в грубом английском переводе... А как же ехать в пушистый разгар перелома, когда все в Европе бродит..., когда падают вековые стены» (Герцен 1955: 296). Очевидно, что позиция Герцена противоположна взглядам Н. Тургенева, восторженно приветствовавшего в 1847 г. и английскую социальную модель, мощь европейской цивилизации в целом, и ее вариант в США.

Автор книги «С того берега» видит большее мужество в том, чтобы работать для будущего. В пространственно-временной организации произведения ключевой становится временная ось, хотя размышления о будущем Европы и человечества на страницах книги имеют порой трагический характер. «Перспектива в книге срезана, категория будущего – самая неопределенная в отличие от очевидных тенденций действительности» (Туниманов 1994: 12). И все же даже с учетом неясности перспективы главной для авторского сознания становится необходимость действовать, преодоление отчаяния и скептицизма, настроений ухода и отказ от позиции наблюдателя. Глава «Эпилог 1849» завершается страстными словами автора: «Наши враги должны знать, что есть независимые люди, которые ни за что не поступятся свободной речью, пока топор не прошел между их головой и туловищем, пока веревка не стянула им шею. Итак, пусть раздастся наше слово! ... А кому говорить?.. о чем? – я, право, не знаю, только это сильнее меня...» (Герцен 1955: 343).

Показательно, что идея движения остается одной из центральных в книге. Америка – продолжение европейской цивилизации. Но для Герцена периода 1840-х гг. есть существенная разница между США и Европой: Европа охвачена политическими событиями. Пробуждение масс, последующая реакция показали обветшалость ее социально-политического строя, неизбежность его гибели. Америка же в этом отношении стабильна.

Подчеркнем, что в книге «С того берега» писателя не интересует техническое развитие США, культура этой страны или социальные проблемы рабства, истребления индейских племен, вопрос о нравственности или безнравственности американской демократии, столь актуальные для русских писателей и общественных деятелей. Герцену свойствен иной угол зрения. Он не принимает в целом социально-политического строя США и не видит предпосылок для сколько-нибудь скорого его изменения. Поэтому в тексте появляется эпитет «скучный» в приложении к жизни в Северной Америке. В финале главы «Consolatio», представляющей по форме диалог разочаровавшегося скептика-доктора с «дамой лет двадцати пяти», герой развивает идею «пребывания в стороне», мечтая о тихом, спокойном уголке. «...Если при этом немного солнца, море вдали или горы, шумящая зелень, теплый климат... чего же больше? – По несчастью, этого спокойного уголка... вы не найдете теперь во всей Европе. – Я поеду в Америку. – Там очень скучно. – Это правда...» (Герцен 1995: 335).

Центром притяжения исторических сил для Герцена периода 1840-х гг. является прежде всего Европа, и решения социально-политических проблем, поставленных историей, лежат не в области построения нового общества на старых основах на краю света («...мы плохие Робинзоны», – замечает писатель (Герцен 1955: 343)), а в коренном преобразовании существующего строя. Образ Америки является своего рода «отрицательной точкой отсчета», «отрицательным» идеалом, отталкиваясь от которого,

Герцен напряженно размышляет о логике и перспективах мирового исторического развития.

В 1840-е гг. явно критичным можно назвать отношение к Америке и в среде славянофилов. Однако акценты в их трудах расставлены несколько иначе. Так, достаточно резкие суждения звучат в адрес США в работах И.В. Киреевского. Как полагает З.А. Каменский, критика Запада, в том числе и США, в работах И. Киреевского «пребывает почти полностью лишь в эмпириях духовной, нравственной жизни» (Каменский 2003: 106) и ставит своей целью вскрыть противоречия европеизма. Это в наименьшей степени «критика буржуазности, критика капитализма, его социальных, экономических противоречий» (там же). По мнению исследователя, для философа «причина всех зол европеизма» (Каменский 2003: 104) – от античных Греции и Рима до США – коренится в рационализме, рассудочности образа мыслей, морали и религии западного человека. В отличие от Герцена, Киреевского интересует в первую очередь сфера американской духовной культуры. Однако для них обеих Америка – наглядный пример того, сколь непродуктивным и односторонним может быть европейское просвещение.

Для философа-славянофила американская цивилизация – наиболее яркое тому доказательство, поскольку она является логическим завершением европейской. «Что же касается собственно до европейских начал, как они выразились в последних результатах, то, взятые отдельно от прежней жизни Европы и положенные в основание образованности нового народа, что произведут они, если не жалкую карикатуру просвещения, как поэма, возникшая из правил пиитики, была карикатурой поэзии?» (Киреевский 1979: 184). Как и для Герцена, для славянофилов эксперимент по перенесению европейских принципов в качестве базовых за океан для строительства нового мира оказывается, скорее, неудачным и искусственным. «Опыт уже сделан. Казалось, какая блестящая судьба предстояла Соединенным Штатам Америки, построенным на таком разумном основании, после такого великого начала! И что же вышло?» (там же).

Выступая против формализма в любом его проявлении, философ подчеркивает, что именно в США форма господствует над содержанием, определяя особенности культуры и цивилизации. Не случайно эпитеты «внешний, формальный, механический» являются важнейшими характеристиками американской жизни. Доказывая тезис о преобладании формы в американской культуре, Киреевский обращается к области, наиболее чутко реагирующей на тенденции общественного развития – состоянию литературы в США. Киреевский настаивает на том, что американская культура не имеет достижений. Американская словесность – «огромная фабрика бездарных стихов, без малейшей тени поэзии, казенные эпитеты, ничего не выражающие...» (там же). Однако, памятуя о том, что среди имен писателей США резко выделяются Вашингтон Ирвинг, Фенимор Купер, философ исключает их из числа типичных представителей американской культуры, называя «отражением словесности английской». Киреевский противопоставляет материальное и духовное, подчеркивая, что материальное проникает в сферу духовной жизни американцев, разрушая ее и вырабатывая в людях «явное презрение всякого мышления, не ведущего к материальным выгодам мелочной личности без общих основ...осквернение святых слов *человеколюбия, отечества, общественного блага, народности*» (там же).

Философ не принимает индивидуализма – одной из ключевых категорий американской культуры. В.А. Котельников, рассматривая духовную и философскую эволюцию Киреевского, замечает, что философ после становления на путь «внутреннего делания», «интеллектуального иночества» создает антропологию, согласно которой личность «творчески входит в мир, осуществляя – этически и

исторически – идеалы христианства» (Котельников 1994: 155). Очевидно, логика эволюции воззрений философа уводила его все дальше в сторону критического осмысления основ американской цивилизации. Киреевскому вторит и К. Аксаков, также довольно резко отрицающий целый ряд установлений, общественных институтов Запада. В 1847 г. он пишет: «Составленная из выходцев, Северная Америка насквозь проникнута эгоизмом, холодным началом, и вся представляет обширную сделку людей между собой... основанную на себялюбивом расчете... Нигде нет такой страшной действительности, устремленной... на выгоду, как в Северной Америке...» (Аксаков 1995: 443-444).

Ключевыми в тех работах Киреевского, К. Аксакова, где встречаются размышления о США, являются мотивы механистичности, распада. Так, они появляются в письмах Киреевского к А.И. Кошелеву в 1850-х гг. – в строках, посвященных социально-политической ситуации в Америке: «Иногда [Vinet – А.А.] относит к государству вообще то, что можно отнести только к государству, слепленному из разнородных кусков, как Соединенные Штаты» (Иван и Петр Киреевские в русской культуре 2001: 150). Несколько ранее в письме к тому же адресату он акцентирует центробежные силы в американском обществе. «Это не государство, а случайное совокупление нескольких разнородных масс, готовых распасться» (Иван и Петр Киреевские в русской культуре 2001: 144). И. Киреевский очень эмоционально пишет об опасности возможного обращения к американской модели, что, по его мнению, приведет к разрушению русской духовности и христианских основ русской жизни.

Итак, в 1840-е гг. русским мыслителям свойственны раздумья о будущем России, серьезные сомнения в возможности применения на русской почве американской модели развития, тревога за русскую культуру. На страницах работ этих авторов представлено сопоставление русского и американского путей, являющееся неотъемлемой частью русско-западного диалога в целом, актуальное и на современном историческом этапе.

Библиографический список

- Аксаков К.С.* О современном человеке / К.С. Аксаков // *Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика.* М., 1995.
- Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. / Под ред. Е.И. Тарасова. СПб., 1911.
- Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники Н. Тургенева за 1811–1816 гг. Т. 2 / Под ред. Е.И. Тарасова. СПб., 1913.
- Герцен А.И.* Соч. в 9 тт. Т. 1 / А.И. Герцен. М., 1955.
- Иван и Петр Киреевские в русской культуре. Калуга. 2001.
- Каменский З.А.* Философия славянофилов. Иван Киреевский и Алексей Хомяков / З.А. Каменский. СПб., 2003.
- Киреевский И.В.* Обозрение современного состояния литературы / И.В. Киреевский // *Киреевский И.В. Критика и эстетика.* М., 1979.
- Котельников В.А.* Православная аскетика и русская литература (На пути к Оптиной) / В.А. Котельников. СПб., 1994.
- Тарасова В.М.* Декабрист Н.И. Тургенев и его место в истории общественного движения России 1820-1860-х гг. XIX в. (эволюция общественно-политических взглядов): Автореф. дисс... д.и.н / В.М. Тарасова. Л., 1966.
- Туниманов В.А.* А.И. Герцен и русская общественно-политическая мысль XIX в. / В.А. Туниманов. СПб., 1994.
- Тургенев Н.* Россия и русские / Н. Тургенев. М., 2001.